

КСЖБ

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 40 КОП.

К Р 13 О К О Д И Л

№ 15 МОСКВА, МАЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» 1934

ИЗ ДНЕВНИКА ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

Рис. К. Ротова

„19/VI—1934 г. Сильная качка при совершенно ясной погоде...“

ВСЕ ИЗЛОЖЕННОЕ — ФАКТ

Ох, как трудно писать юмористические рассказы!

Ох, до чего трудно быть сотрудником сатирического журнала и сочинять потешные истории о том, как пассажира поезда Горький—Москва заставили снять пальто в буфете-ресторане на вокзале, в Горьком, затем двадцать минут заставили ждать судак, а потом судак не оказалось и поезда тоже не оказалось, потому что, пока пассажир одевался, поезд ушел, и от него простыл след. Или, например, рассказ о том, как один гражданин пришел в учреждение, при чем ему был назначен прием ровно в полдень, он простоял ровно сорок минут в бюро пропусков, и человек, которого он хотел видеть, уехал за сорок километров от Москвы. Да мало ли для сатирика хороших тем, если он займется описанием собственного быта. Но автор этого рассказа не принадлежит к числу сатириков и юмористов. Он чужого не хочет и своего не отдаст. А свое для него есть рассказы о чужих странах, о том, как живут и работают разные господа по ту сторону рубежа.

Например, знаете ли вы историю мистера Максима Дейча, гражданина Соединенных штатов, жителя города Бостона?

Что вы знаете об этом человеке, товарищи?

Кто он, его социальное происхождение, возраст, способности, и чего он хочет от жизни?

Подробностей об этом человеке у меня нет никаких. Я не знаю ни его близких, ни его самого, ни его друзей. Иностранная печать сухо сообщила о нем, что он человек со средствами, проще говоря, очень богатый человек.

И затем, что он вполне современный человек. Человек в духе времени, человек «века прогресса» (так называлась всемирная выставка в Чикаго).

Одним из чудес на выставке «века прогресса» были «роботы» — механические куклы. Они закрывали и открывали двери, они ездили на велосипеде, они считали, писали, танцевали и бегали. В Лондоне, в одном уни-

версальном магазине я видел оркестр роботов в голубых гусарских мундирах.

Они играли на струнных и ударных инструментах, подмигивали публике и отбивали ботинками такт, как настоящие джазбандисты. И дирижер-робот приплясывал и заигрывал с публикой. Во всем этом автор дает подписку. Здесь нет ни слова лжи.

Господин Максим Дейч, вероятно, видел таких роботов. Они достаточно надоели ему, танцующие, играющие и поющие. Вообще ему надоела жизнь, вся его жизнь с деловыми удачами и неудачами, с утренними завтраками и вечерними обедами, с последними новостями о знаменитом чикагском бандите Дилинджере, с законом сенатора Джонсона, — словом вся его жизнь богатого бостонского обывателя. И однажды он решил умереть.

Веревка, пуля, яд были в его распоряжении. Он мог броситься с аэроплана, как известный европейский финансист, он мог застрелиться, как миллионер Крейгер, он, наконец, мог выброститься из окна восемнадцатого этажа, как это было принято в разгар кризиса. В то время швейцары отелей, вручая постояльцу ключ от комнаты в двадцать пятом этаже, спрашивали:

— Зачем вам комната? Для того чтобы переночевать, или для того, чтобы выброститься из окна?

Это факт.

Мистер Максим Дейч был ультрасовременный человек и притом не лишенный воображения. Расстаться с жизнью он решил оригинально и притом так, чтобы это было до известной степени похоже на дуэль, на поединок со смертью. Он заказал мастерам оригинальнейшую автоматическую куклу-робота. Он приказал изготовить такую механическую куклу, которая бы стреляла из револьвера.

В европейских луна-парках вы можете увидеть в тирах оригинальную мишень. Когда вы стреляете и попадаете в центральную точку мишени, вспыхивает сильный электрический свет, щелкает автоматически фотоаппарат, и через четверть часа вы получаете вашу фотографическую карточку: вы сняты автоматически в тот момент, когда вы целились в мишень и попали.

Робот господина Дейча был сделан так, что он сам стрелял в тот момент, когда пуля стрелка попадала в расположенную у него на груди мишень. Он отвечал выстрелом на выстрел, и так как его противник стоял в точно определенном месте, по прямой линии, и был, так сказать, на мушке у робота, то робот промахнуться не мог.

И вот господин Максим Дейч написал предсмертное письмо и стал против робота с револьвером в руках. Семь раз он стрелял в двухсантиметровый кружочек — мишень на груди у робота. На восьмой раз Максим Дейч попал в цель. Робот ответил выстрелом и убил наповал Максима Дейча.

Американские газеты описали эту историю под названием «Дуэль с роботом». В тот день господин Дейч получил известность в Америке и за океаном. Но ему уже было все равно.

Все изложенное — факт. Автор отвечает за рассказ своим добрым именем. Ко всему этому он мог бы добавить, что робот был сработан на совесть и стоил больших денег, что наследник мистера Дейча продал робота с молотка. И что нашлись охотники приобрести автомата-убийцу, и теперь некоторых американцев занимает вопрос, «кто следующий», кто последует за г. Дейчем.

На этом месте автор кончает рассказ.

— Хорошо. Но что же тут смешного? — спросит читатель.

Действительно. Ничего смешного нет.

Ох, как трудно писать юмористические рассказы. И в особенности на зарубежные темы, товарищи!

Л. НИКУЛИН

ИЗ ДЕТСКИХ РАССКАЗОВ

Однажды два школьника сидели на лужайке и разговаривали:

— Петя! — спросил один из них, — какую ты знаешь самую страшную историю.

— Вот, — с дрожью в голосе ответил другой и протянул своему собеседнику учебник истории, по которому их обучали в школе.

Рис. Бор. Ефимова

Бор. Ефимов - 34.

Расовое сродство appetitov

СВИНЬЯ, СУДЬЯ И ОГОРОД

(Сказка)

...Словом, свинья разрыла огород. Дело житейское, на то свинья—свинья. Рядом с огородом Ульяны Косаченко расположен кооперативный техникум, в техникуме есть завхоз, у завхоза есть свинья. Остальное понятно.

Свинья была задержана на месте преступления и заперта в сарай, а вечером явился заведующий хозяйством техникума, извинился, просил не поднимать шума, получил назад свинью и обещал привязать ее.

На следующий день свинья опять разрыла огород.

Дело житейское. Рядом с огородом Ульяны Косаченко расположен кооперативный техникум, в техникуме есть завхоз, у завхоза есть свинья; за свиньей никто не смотрит. Остальное понятно.

Опять явился заведующий хозяйством, опять извинился, опять просил не поднимать шума, обещал даже осенью компенсировать Ульяну Косаченко овощами из огорода техникума. Свинью же он привяжет.

На следующий день снова явилась свинья, опять прибежал завхоз, произнес речь, полную самобичевания, выдал даже форменную расписку, что вернет убытки, забрал свинью и обещал привязать ее...

Зачем? Теперь свинья может гулять, сколько ей угодно. От огорода все равно ничего не осталось.

Дальше печальная история повествует так.

Не надеясь на добропорядочность завхоза, бедная женщина обратилась в горсовет. Дело было в Смеле, Киевской губернии, а Смела, как известно, не захолустье какое-либо, а город, и есть там городской совет.

Горсовет прислал комиссию, комиссия составила акт, акт передали Ульяне Косаченко; и Ульяне Косаченко предложено было поступить с актом, как ей заблагорассудится.

Полная свобода действий... Хочешь,— повесь акт на гвоздик, хочешь,— выбрось. Горсовет больше не вмешивается.

Рядом с огородом Ульяны Косаченко, как уже выше было поименовано, расположен кооперативный техникум. Еще на один дом дальше стоит на страже советского закона здание смелянского суда. Туда и обратилась Ульяна.

Как видите, никаких чудес. Все протекает так, как и надо. Из-за пустячного рублевого дела, из-за несчастной свиньи подняты на ноги почти все важнейшие учреждения города Смелы.

В обращении в суд Ульяна Косаченко предупреждает, что техникум готовится к переезду в Житомир. Она просит поспешить с разбором дела.

Судья, конечно, кормит завтраками. Говорим «конечно», ибо в противном случае повесть эта не писалась бы.

Ульяна Косаченко окончательно переселилась в суд. Она там не только дежурит с утра до ночи. Она даже ночует (на ступеньках), чтобы не прозевать момента торжественного прихода судьи. Первое время она при встрече с судьей безмолвно кланялась, простоудушно надеясь одним видом своим напомнить о неразобранном деле. Затем она стала легонько намекать. А на третий месяц дежурства у порога суда она заговорила полным голосом:

— Товарищ судья, до отъезда техникума в Житомир осталось 7 дней... Осталось 6 дней... 5 дней... Два дня...

... Словом, повестка о явке в суд была вручена гражданке Косаченко Ульяне на следующий день после переезда техникума в Житомир. Дело о свинье и огороде было, конечно, отложено за неявкой «второй стороны».

На дворе зима. У Косаченко Ульяны и ее детей нет ни одной картофелины.

Вдруг опять повестка. Из Житомира. Ульяну и ее семь свидетелей требуют на суд в Житомир «согласно пересланному к нам смелянским судом делу об огороде».

Мороз. Обувь у Ульяны нет. Денег на билет тоже. Тем более нет денег на билеты всем свидетелям.

Ульяна пишет слезное письмо в Житомир, где излагает все сорок три несчастья. Разрытая свиньей картошка (хотя и без картошки плохо) стоит меньше, чем восемь проездных билетов туда и обратно.

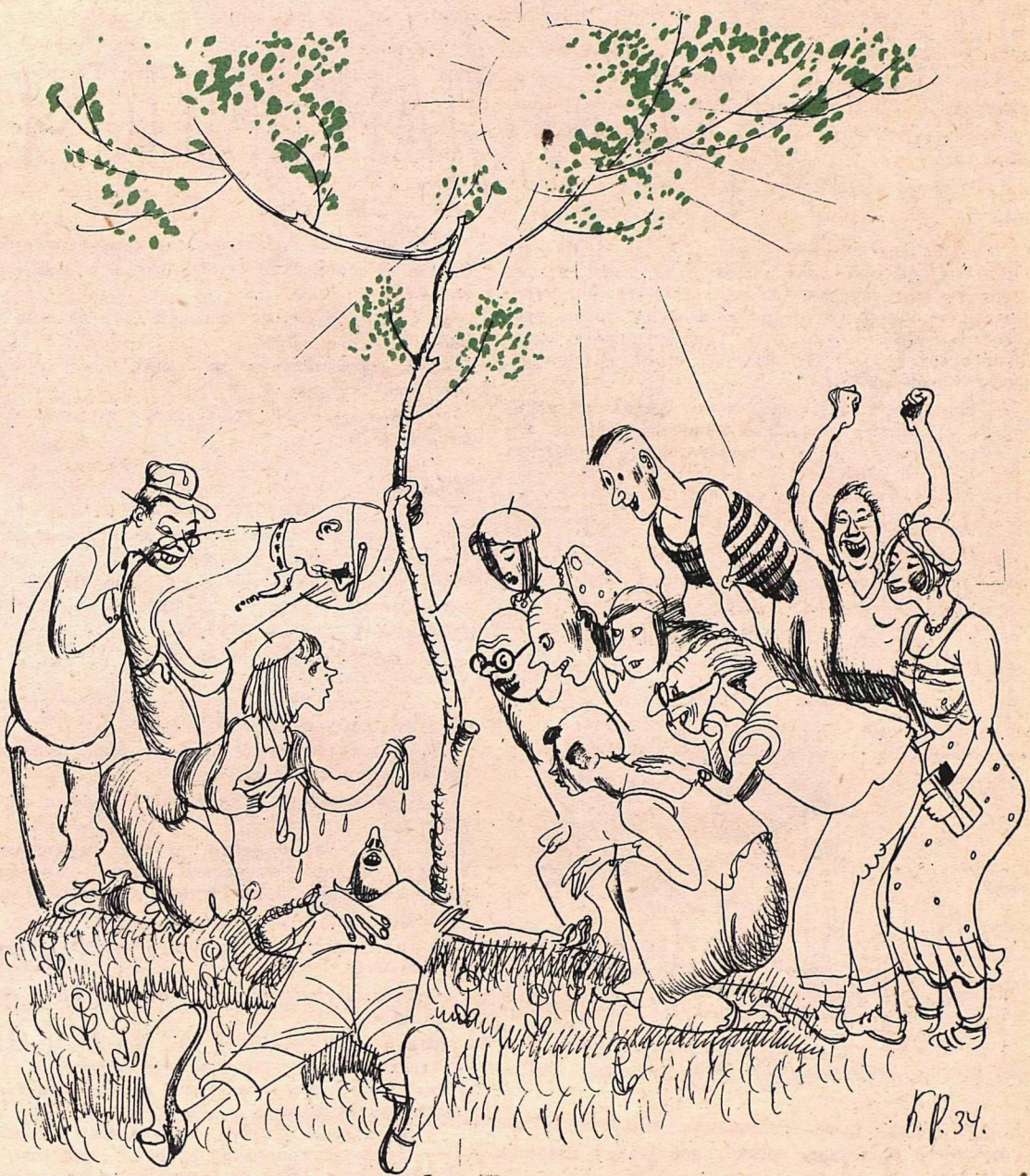
Оттуда ответ: за неявкой истца и свидетелей в иске отказано...

Вот, дети, и всей сказке конец.

А. АГРАНОВСКИЙ

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Рис. К. Ротова

— Ребята! Затеяника солнечный удар хватил! Веселитесь, пока он не очухался!

КРАСНЫЙ КЛАССИК

Слушайте сказку, дети!
Про писателевы трюкачества!

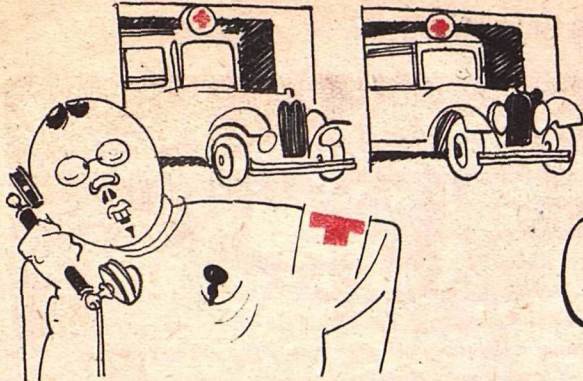
Жил писатель себе на свете не ахти какой. Среднего качества. Но зато невероятной в нем „общественности, прямо до сверхъестественности“. Но зато показной в нем „активности“— прямо до сверхпротивности. Чуть только что где случается, он уже тут и „включается“. „А ну, что тут, братишки, у вас? Днепрогорск? Хибинострой? Урало-Кузбасс? Превосходно! Включаюсь и всенародно клянусь и ручаюсь не в пример прочим рыцарям пошлой халтуры, которых мы все еще среди нас замечаем, что мы, Изотомы от литературы, не подкачаем!“ И, конечно, сейчас же газеты

помещают его портреты. Дескать — „Наш-то! Опять отличился! Понимаете? Снова включился!“ И, глядишь, паренек, не блиставший особенной даровитостью,

вырос выше любого штабеля и заделался такой знаменитостью, ну, не меньше Гюи де-Бабеля! По издательствам бегаёт бойко, трется там, как медведь на пасеке. Где-то там один критик какой-то произвел его в красные классики. Месяц пальцев не пачкал в черниле, держать ручку в руках разучился. Но на-днях у нас крышу чинили, он и тут „всенародно включился“. Так и ездит все и ездит, что комета какая по небу.

Товарищи!
Спросите его на с'езде, когда он... напишет что-нибудь?

ВЛАДИМИР ВОИНОВ

ПОЛОЖЕНИЕ СТАНОВИТСЯ УГРОЖАЮЩИМ

Около меня живет чертежник Каланчук. Маленький человек с головой, похожей на репей, только что снятый с пуделя. Он не дает жить. И ничего нельзя с ним сделать. За нами — все права, предоставляемые трудящимся конституцией и домоуправлением. За его спиной стоит литература. Мы — беззащитны.

Третьего дня Каланчук долго ходил по коридору с какой-то маленькой книжкой в руках. Он ядовито посмеивался и, повидимому, решившись

на что-то серьезное, резко постучал в дверь к соседке:

— Нельзя, — сказала соседка, — я не одета.

— Тем лучше, — суховато заметил Каланчук, — я хочу смотреть в пуп.

— Уйдите, Каланчук, — примиряюще предложила соседка, — я член профсоюза. Я буду жаловаться.

— Профсоюз здесь не при чем, — обиженно отозвался Каланчук, — я хочу смотреть в пуп.

Ответственный с'емщик выглянул из комнаты и укоризненно сказал Каланчуку.

— Бросьте, Каланчук. Нельзя смотреть в пуп. Как вы будете смотреть в пуп?

— Как в замочную скважину, — строго заметил Каланчук, — нажав на него пальцем.

— Пальцем?

— Пальцем. И прищурив один глаз. Вот.

И Каланчук протянул маленькую книжку, раскрытую на странице семнадцатой. Испуганные жильцы осторожно показались из комнат и стали читать. Это была книжка рассказов В. Бороховцова «В комнате пахнет дыней». На странице семнадцатой действительно было напечатано:

«Мама не хотела мочить волос, чтобы не раскудрявиться, и подобрала их под кепку. Она была в одних трусиках. У нее был маленький смешной пупок, как сучок в доске. Хочется подойти и нажать на него пальцем, тогда этот сучок выскочит, образуя дыру, в которую можно будет посмотреть, прищурив один глаз, как в замочную скважину».

— Ничего не поделаешь, — вздохнул ответственный с'емщик и сочувственно посмотрел на соседку, — дайте ему по морде и закройте плотнее дверь. По существу он сумасшедший, а формально прав. Ничего не поделаешь.

— Меня? По морде? Ах, так? Хорошо, хорошо...

Каланчук кинулся к себе в комнату, вернулся оттуда с какой-то толстой книгой и угрожающе заявил:

— Сейчас буду перековывать вас на наш уха-наль.

— Какой уха-наль? — испуганно спросил ответственный с'емщик.

— Обыкновенный. Советский уха-наль. Вы у меня еще увидите.

— Оставьте, Каланчук, — вмешался я, — тут женщины, а вы такие слова. Идите к себе. Не устраивайте в коридоре столпотворения.

— Хочу и устраиваю, — твердо сказал Каланчук, — сам устроил, сам и с'ем.

— Столпотворение не едят, Каланчук.

— Как кто, — ядовито усмехнулся он, — я лично ем его, как телячью печонку.

— Сумасшедший! — всплеснул руками ответственный с'емщик.

— От яровитой лошади и слышу! — торжественно отпарировал Каланчук.

Положение становилось угрожающим. Мы отвели Каланчука в домоуправление.

— Необдуманные поступки? — спросил управдом.

— Хуже, — возмущенно сказал ответственный с'емщик, — слова. Уханалью угрожал. Столпотворение с'есть обещался. Озимой лошадию обзывает.

— Яровитой, — поправил Каланчук.

— Выпимши? — официально обратился управдом к Каланчуку.

— Литература, — виновато ответил тот и протянул книгу.

Мы прочли заглавие. Е. Бражнев-Трифонов. «Каленая тропка». На странице тридцать первой стояло: «Под вечер маленькие и яровитые лошади подвозили тачанку».

— Вы дальше читайте, — предложил Каланчук.

— Страница тридцать вторая, — медленно читал управдом: Мы их помаленьку перековываем на наш советский уха-наль». Страница следующая... «Сжевал, точно печонку, пафос нового столпотворения... Ничего не могу поделать, — вздохнул управдом, возвращая Каланчуку книжку, — попробуйте обратиться в издательство. Домоуправление тут не при чем. Если бы еще насчет парового отопления, а то тут, извините, литература. Ей виднее.

Мы сконфуженно молчали. Каланчук поправил галстук и строго спросил управдома:

— Зверя починили?

— Какого?

— Издохшего.

— А вам, извините, это на какой предмет?

— Хочу подниматься на издохшем звере в четвертый этаж.

Управдом опасливо посмотрел на дверь, потом на пятьдесят третью страницу той же книги Бражнева, вновь раскрытой Каланчуком. Там было напечатано: «Лифт, как издохший зверь, цепенеет»...

— Хорошо, гражданин. Починим зверя. Пусть в помере семнадцатом на издохшем поднимаются. У нас на целом ездить будете.

Поднимались мы к себе наверх, мрачные и испуганные.

— Не пойду домой, — категорически заявил Каланчук, — я там задыхаюсь.

— Как задыхаетесь, Каланчук? — осторожно спросил я.

— Как веник, — нехотя ответил он.

— Веники не задыхаются, Каланчук. Это им не положено.

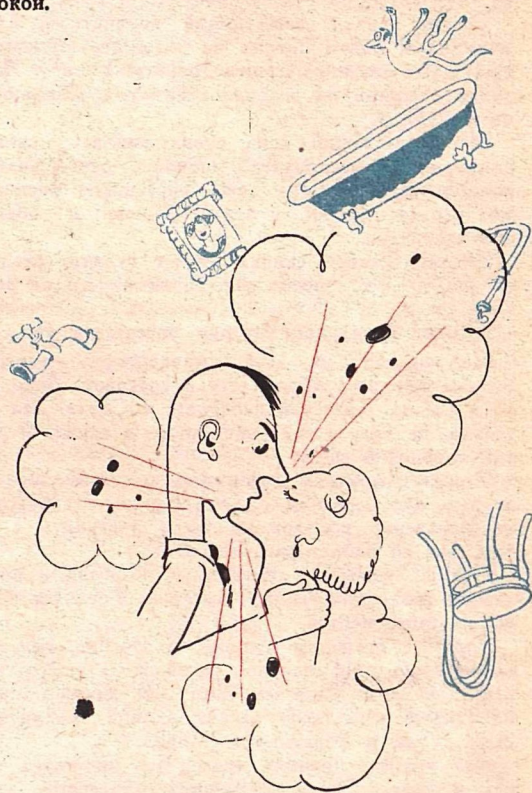
— Ну это, как сказать, — усмехнулся он, — это может, вы говорите, а другие — другое. Можете посмотреть.

Он снисходительно ткнул пальцем в книжечку стихов С. Шипачева «Фронтвики». На странице тридцать второй действительно маячили строчки:

«Над разморенной от пара спиной
Совсем задыхался веник».

— Какое нам дело, — льстиво замстил ответственный с'емщик, — веник не наш, веник чужой. Пусть его задыхается. Главное, чтобы покой в квартире был.

— Взорву, — тихо уронил Каланчук, — взорву покой.

— Взрывчатые вещества надо сдавать, Каланчук, — мягко вмешался я, — нельзя их хранить в коммунальной квартире. Не полагается это. Где они у вас?

— Вот, — спокойно ответил Каланчук, ткнув пальцем в нижнюю, слегка отвисшую губу, — попробуйте отнять.

— Губа это другое дело, — успокоенно отозвался ответственный с'емщик, — губа не пироксилин. Губой много не взорвешь.

— Вы думаете? — ехидно спросил Каланчук. — Ну, что же. Ваше дело. Мы с В. Пошехоновым иного мнения.

Он вынул из кармана номер первый «Литературного современника» и раскрыл его на рассказе упомянутого автора — «Караваны». На странице восьмидесятой угрожающе стояло:

«Через несколько времени покой квартиры был взорван тремя дательными падежами».

Мы удрученно остановились на площадке второго этажа. Каланчук бодро шагнул наверх, потом поднял воротник, взерошил волосы и, перегнувшись через перила, взволнованно зашел, взмахивая руками:

«А вот,
Как гибкий винт завинчен
В четырехгранный переплет
Американский довер-пинчер,
А может быть, наоборот».

— Тише, Каланчук — крикнул я — не клеветайте на собак. Могут обидеться и искушать.

— Нужно кусать не меня, — подмигнул он сверху, — а Л. Шемшелевича, автора «Сердцебиения»: это оттуда!

В милицию мы обращались тоже. Пробовали вызывать карету скорой помощи. Не едет. Требуется сведения о температуре. Остается последнее средство — съезд писателей.

-- Товарищи, помогите!

— Скажите, пожалуйста, лето только начинается, а из базы уже летняя одежда пришла!..
 — При чем здесь база: просто товар еще осенью отправили, а железная дорога через восемь месяцев доставила. Спасибо, — прямо к сезону.

ОНА УЛЕТИТ, УЛЕТИТ...

Конферансье вдруг налился кровью и заорал:
 — Сашкин и Машкин!

На эстраду резвой рысью выбежали с двух сторон два накрашенных гражданина в розовых штанах. Тот, который выбежал слева, кланялся публике у правого угла ramпы. Другой мотал головой слева. Все это было так решительно: и окрик конферансье, и выбег, и поклоны, что в публике робко заплодировали.

Сашкин и Машкин начали обличительный монолог:

— Имейте стыд и срам! — гремел Сашкин.

— Как не бессовестно всем вам! — укорял Машкин.

Потом вступило фортепиано, и оба народных трибуна запели:

«Ловите, ловите жар-птицу!
 Она улетит, улетит!
 А с нею цель жизни умчится,
 И сердце навек замолчит!»

Впрочем, это — русский перевод песенки. Сашкин и Машкин пели так:

«Ловице, ловице жар-птицу!
 Она улецыц, улецыц!
 А с нею цель жизни умчицца,
 И сердце навек з'ма-алчит!»

Я отвернулся от эстрады; стал сочувственно рассматривать публику. Большинство зрителей глядело на сцену осуждающим взглядом. Так соседи смотрят на пьяного, который безобразничает во дворе.

Человек, сидевший впереди меня, тоже отвернулся; я узнал его: это был литератор, один из тех, которые работают в области эстрадной драматургии и так называемых малых форм. И при том один из тех (немногих), которые в это дело вносят подлинную культуру, настоящий юмор, любовь к делу.

Мы поздоровались. Кажется, мой знакомый был тоже смущен исполнителями.

Между тем, граждане Сашкин и Машкин бесновались. Пожав некоторую порцию хлопков, они сделали ложный уход, вернулись и начали «злободневные куплеты». Эти куплеты они пели по очереди.

Так:

Сашкин: Что нам бог дал?

Машкин: Ничего.

Сашкин: Значит, надо нам...

Машкин: Его!

Вместе: Аннулировать, ды аннулировать, ды аннулировать!..

Тут следовало 15 тактов громоподобной чечотки.

— Кто им пишет репертуар? — спросил я литератора.

— Некто Свистицкий. Он уже лет 30 пишет для эстрады. Между прочим, это ему принадлежит знаменитая шансонетка:

«Да, я трамвай, и всех вожу я...»

— Так неужели же никто не может заменить этого шантанного мастера? Вот вы, например...

Сашкин (перебивая меня): Кто мешает нам?

Машкин: Кулак!

Сашкин: Значит, надо нам...

Машкин (с энергичным жестом): Вот так!

Вместе: Ликвидировать, ды ликвидировать, ды ликвидировать... (громоподобная чечотка).

— Они у меня были, эти голубчики, — сказал мой литератор. — Я отказался.

— Почему?

— Да я вообще хочу бросить это дело — эстрадную драматургию.

— Помилуйте! Да это нужнейшее, полезнейшее дело! Какой тираж! Какое влияние на массы: кто еще и книг не умеет читать, уже слушает эстраду...

— Ну, да. На словах все так. А на деле...

Сашкин: Что поможет нам?

Машкин: Колхоз!

Сашкин: Значит, надобно...

Машкин: Его-с!

Вместе: Зафиксировать, ды зафиксировать, ды зафиксировать... (чечотка).

— Да... На деле что же выходит! Печатать нас не печатают, критикуют только так: возьмут какой-нибудь ляпсус у одного и «пришивают» в этакое негодующем обзоре другому.

— Позвольте, а соответствующие организации?

— Организации? Во-первых, это — ГОМЭЦ. Тут все ясно, не правда ли?

— Да, ГОМЭЦ — это ясно.

— Ну-с, а затем Оргкомитет союза советских писателей. Эти от нас просто откредиваются. Вот и надосло быть парием...

— Ну, уж и парием!

— Парием, парием! Сейчас вот идет прием в союз писателей. Из нас даже самых сильных не принимают. Нет, я ухожу, ухожу из этого дела...

Сашкин: Что хромает?

Машкин: Телефон!

Сашкин: Значит, надо его...

Машкин: Кон...

Вместе: ...кредитизировать, ды кредитизировать, ды кредитизировать... (чечотка).

— Позвольте, что же вы теперь намерены делать?

— А вот пишу драму. Из эпохи гражданской войны.

— Вы? Драму? Вы же — прирожденный юморист!.. Да вы сами были на гражданской войне?

— Нет, — вздохнув, ответил литератор, — и в армии не служил и вообще из Москвы не выезжал тогда. Да что ж поделаешь?..

Сашкин и Машкин обдали нас в последний раз пылью своей чечотки. Занавес закрылся при жидких знаках одобрения. Мы попрощались.

Я шел к выходу, и в голове у меня оформлялись стишки — во вкусе Сашкина и Машкина:

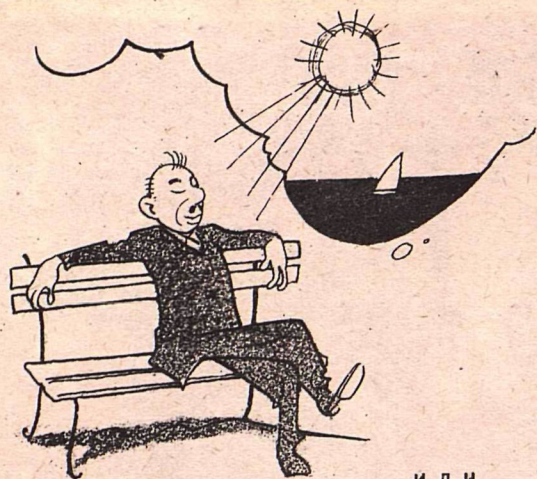
— На эстраде только

— Хлам:

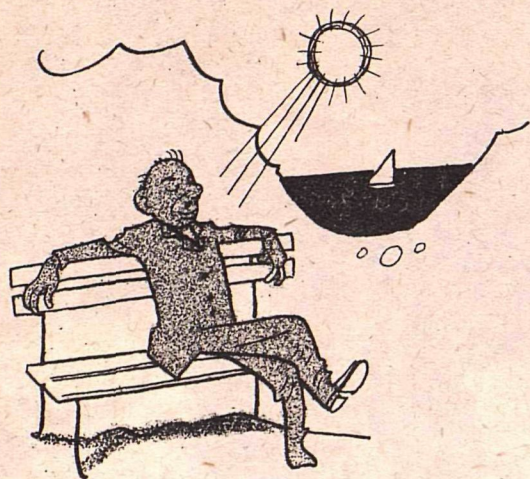
— Значит, надобно...

— Всем нам

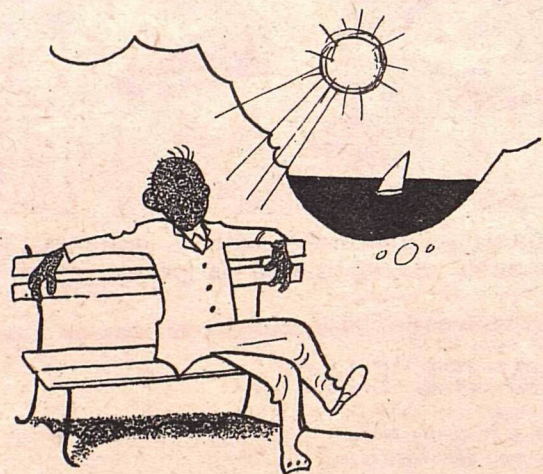
— Реагировать ды реагировать!..

ИЛИ

КРАТКАЯ
ИНФОРМАЦИЯ
О ТОМ, КАК
НА КУРОРТЕ

ЛЕГКО ЗАГО-
РАЕТ ЧЕЛОВЕК
И КАК ЕЩЕ
ЛЕГЧЕ ВЫГО-
РАЕТ КОСТЮМ

При первом взгляде на эти оплывшие щеки, выпуклые белесые глаза, висячие желтые усы и огромный живот никак нельзя было предположить в их владельце неистребимую всепожирающую страсть.

А между тем, это было так. Под белой спецодеждой пожилого повара кисловодского санатория билось влюбленное сердце. Евдоким Нилыч долгие годы нежно и пылко влюблен. И, очевидно, это чувство умрет вместе с ним, как это бывает в старинных романах.

Множество людей становится между ним и предметом его любви. Но — тчетно.

Вот Евдоким Нилыч, свежий, полный сил, стоит посреди вверенной ему кухни. Шесть часов утра. Кухня сверкает. Бодрыми шагами полковника, сопровождаемый своим штабом, Евдоким Нилыч проходит в подготовительный цех. На огромных столах багровеет и лиловеет аппетитная свежая говядина.

Помощник Евдокима Нилыча выжидает, пока его шеф не перетыкает пальцем все части туш. Затем он почтительно спрашивает:

— Что сегодня будем готовить, Евдоким Нилыч?

Шеф-повар задумывается. Он уходит в себя, в сокровенные тайники своей души. Неопишущая ласковость отображается на челе. Сладостная улыбка раздвигает уста. И Евдоким Нилыч произносит имя своей бесценной, предмета своей страсти.

— Каклетку будем делать... ее!

Имя любимой названо. Сложный механизм кухни, лязгая, громыкая, шипя, потрескивая, приходит в движение.

А он, расцветший, похорошевший, следит за возникновением своей милой...

Три часа. Все кончено. Утомленный Евдоким Нилыч распоряжается насчет ужина.

— На ужин, значит, исделаем... каклетку.

Дни меняются с общеизвестной регулярностью. Багровую говядину сменяет розовая свинина, палеваая телятина, алая баранина, но решения шефа-повара неизменны. Он все так же тыкает пальцем в туши, так же выдерживает мечтательную паузу и шепчет:

— Каклетку сегодня... Ее!..

За обедом больные ждут подачи второго блюда, с воистину болезненным нетерпением. Вот официантки несут груженные тарелочками подносы. Официантки, якобы, безразлично отворотили носы: им самим совестно.

Бойкая больная из Киева первая вскакивает и заглядывает в тарелки.

— Конечно они! — кричит бойкая больная, — котлеты.

— Опять?.. — ухают все 200 обедающих, и лица мрачнеют.

Нервный больной с восьмого столика от злости шипит:

— Кончится тем, что я их убью!

— Кого — их?

— Санаторных!.. Главного врача!.. Швейцара!.. Продедурную сестру!..

Все равно!.. Кто-нибудь мне ответит за эти котлеты!..

Вечером выходит стенная газета, в которой больные откликаются на этот наболевший вопрос такими стихами:

«Видно цельное нам лето

Предстоит одна котлета.

И при виде уж котлет

Хочется кричать нам «нет»,

Потому что ту котлету

Кушать больше мочи нету».

На другой день котлеты подаются еще и к завтраку.

После обеда к Евдокиму Нилычу приходят главный врач и сестра-хозяйка, т.е. заведующая столовой. Они деликатно и мягко доказывают повару-однолюбю, что на свете существует множество других блюд.

— Вы поймите, — говорит врач, — продукты нам дают свежие, хорошие.

— Продукты — первый сорт, — подкивает Евдоким Нилыч.

— Ну, вот видите. Мало ли что из них можно сделать? И больные будут довольны, чего уж лучше?

— Это уж как есть.

— Ну, вот, дружок, значит, действуйте!..

Доктор уходит, сестра-хозяйка принимается дирижировать своими девушками, а к Евдокиму Нилычу подходит помощник:

— Евдоким Нилыч, чего сегодня будем готовить?

Мучительная тоска отражается на лице влюбленного повара. Он задыхается, веки его краснеют. Он шепчет:

— Исделаем сегодня... эту... как ее... каклетку...

И в глазах Евдокима Нилыча просветленная, мягкая грусть.

В.АРДОВ

ТУРГЕНЕВСКИЕ ДЕВУШКИ

Чистая, хорошая девушка, оказывается, вымерла у нас, как мамонт. Подлинная советская девушка ходит в сапогах с рыжими голенищами, с наганом на боку, говорит хриплым баритоном и изредка стреляет в почтенных родителей холостыми зарядами. В луну стреляет боевыми и ест цветы с корнями. И вообще у нас существует специальный комиссариат по борьбе с семьей и чистыми девушками. Лирической любви можно предаваться, только спрятавшись от советской власти в каком-нибудь отдаленном ущелье, куда на взмыленном коне пробирается старая мама и благословляет влюбленную пару законспирированной иконой Серафима Саровского.

В такой атмосфере, конечно, для чистой девушки нет никакого размаха, и она обречена на вымирание во всеобщем масштабе.

Эти сведения почерпнуты нами не только из европейских романов о Союзе, очерков со слов «очевидцев», но также и из пьес, идущих в наиболее популярных заграничных театрах.

Настоящая русская девушка, так сказать тургеневского типа, оказывается, сохранилась только за границей. Та самая тургеневская девушка, которая была у себя дома похожа на лилию, в гостях — на мимозу, которая не пила, не кушала от любви и стояла в порядке живой очереди в ближайший по месту жительства монастырь. Эти сведения почерпнуты нами из тех же источников.

Теперь остается только проверить, что говорит тургеневская чистая девушка сама о себе. Особенно ей разговаривать не дают, чтобы она по наивности не брякнула что-нибудь неподходящее. Но так как все-таки девушке поговорить хочется о своей судьбе и намерениях, ей предоставляли «почтовый ящик» в единственном белом журнале «Иллюстрированная Россия», еженедельно выходящем в Париже. Тут спасаясь от советского разврата тургеневская девушка ставит вопросы морали и чистоты с такой же лихостью, как пьяный грузчик последний полтинник в железку.

Очередная чистая девушка, которую зовут Вава (лилия, мимоза!), сообщает о себе:

ВАВА. Интеллигентная молодая девушка, жизнерадостная, со всеми недостатками, присущими женщине, капризами судьбы заброшенная в провинциальный город маленького государства, просит откликнуться одинокого, материально обеспеченного господина для переписки.

Тургеневская девушка попала в маленький город, где нет страшных аморальных большевиков. Живи себе, чистая девушка, благоухай! Но Вава по своей чистоте ищет материально обеспеченного господина. Закаты есть, восходы есть, птички и травка есть, даже луна показывается, но оказывается, что, кроме этого лирического ассортимента, требуется еще обеспеченный господин. Без него лирика — не в лирику.

Но Вава еще разборчива. Ее подруга по чистоте просто вопиет:

S.O.S. Литва. Молодая, красивая, образованная, из хорошей семьи девушка желает переписываться с серьезным и обеспеченным господином. Отвечу на каждое письмо.

И ответит. Не такая сейчас чистая девушка пошла, чтобы не ответить обеспеченному господину. Здесь вам не СССР, где чистая любовь запрещена по декрету и нет семьи и брака.

Но и она, образованная, из хорошей семьи и красивая, все-таки еще немного конфузится. Кое-чего не договаривает. Ее соседка по объявлению в «почтовом ящике» куда откровеннее.

В. С. Интеллигентная девушка желает переписываться с солидным господином, обеспеченным службой, не моложе 38 лет. Цель серьезная.

Эта тургеневская девушка сразу готова на серьезное дело с пожилым корреспондентом. Ее закатом, снежинками и звездочками не накормишь. С нее звездочек хватит!

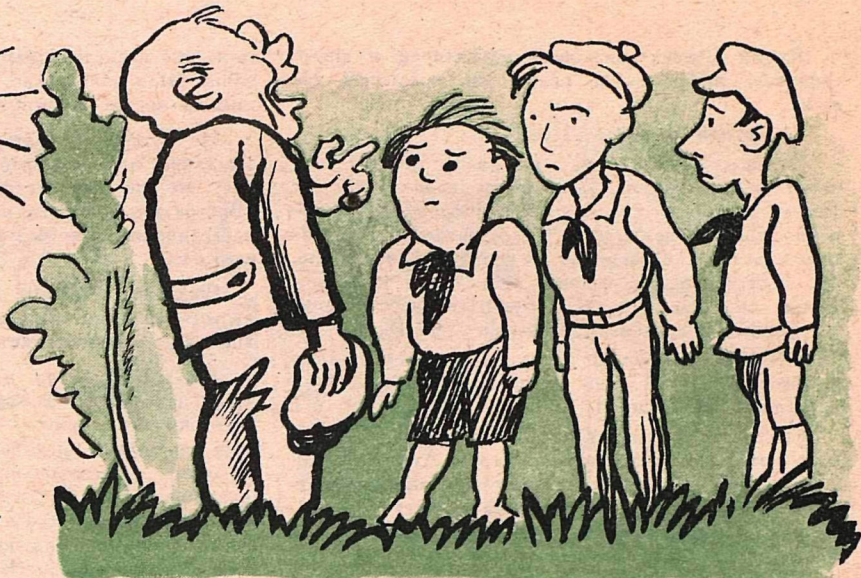
Так проживают «лилии и мимозы» вне советской атмосферы. Так процветает чистая девушка, не замаранная советской аморальностью и вне влияния комиссариата по борьбе с браком и чистыми девушками. И до чего же это похоже на объявления из старых, уже порывевших от времени газет:

Молодая невинная девушка ищет богатого старичка в отъезд. Расстоянием не стесняюсь. Цель — взаимная любовь. Плата желательна вперед.

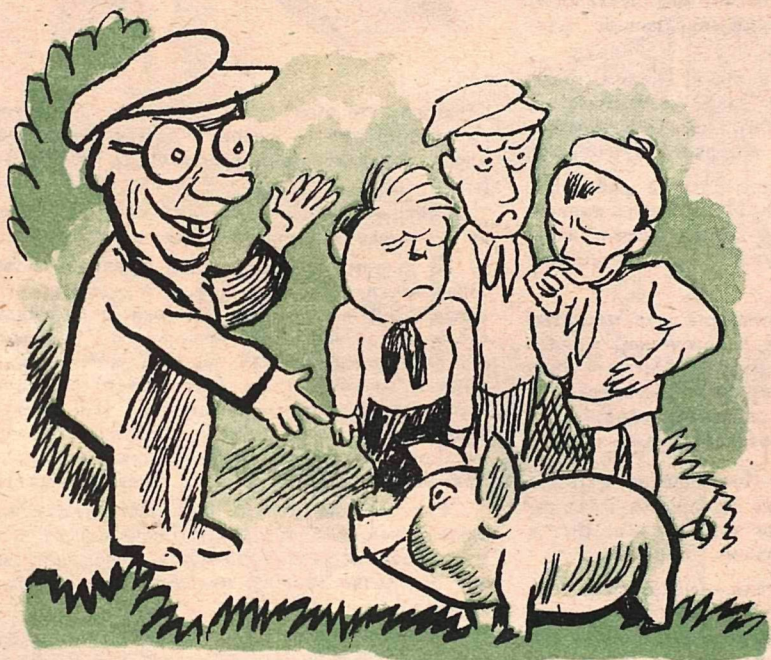
Рис. А. Радакова

1. — Дети, — сказал мудрый учитель пионерам, — перестаньте так беспредметно резвиться. Пусть неорганизованно летают бабочки и беспланово поют птички. Пусть. Не обращайтесь внимания на это голое проявление зоологии. Ходите спокойно и думайте о проблемах дня.

2. — Вот мы с вами в деревне. Подумали ли вы о том, как отразилась борьба города и деревни на экономике XVIII века в Южной Фландрии, и кто из вас помнит, что говорилось о деревне как таковой на пленуме областного с'езда.

3. — Обратите внимание: свинья. Как таковая. Отметим ее как нечто, мешающее точному мировоззрению. Сядем вокруг нее и подумаем: что именно, текстуально, было сказано у теоретиков австро-марксизма о свиноводстве? Не помните? Как же мы можем беззаботно гулять после этого?

4. — Ну-с, отдохнули, порезвились, теперь давайте проработаем тему: „Профобслуживание водников в свете постановлений ВЦСПС как шаг вперед“. Слушайте внимательно и не занимайтесь пустяками. Солнце от вас не уйдет. Через полчаса я уже кончу читать тезисы.

5. — А вот корова, дети, посмотрите на нее внимательно. Это веселит. И пока вы добры и жизнерадостны, давайте определим удельный вес коровы в пригородном хозяйстве на основании статистических данных за два последних года. Отвечайте бодрее и не смотрите на почву. К почве мы еще вернемся.

6. — Вы куда же, дети?! — спросил вдруг изумленный педагог. — Разве вы не хотите повеселиться еще на лоне природы? — Нет! — хором ответили дети. — Уже повеселились! Отпустите нас домой! И педагог их отпустил. Он был добрый.

Луций Сенека—льстивый царедворец и философ-стоик выбросил во время оно крылатый лозунг:

— Познай самого себя!

Переводя этот лозунг на язык практических действий, популярный философ недолжил не менее популярному императору Нерону и естественно впал в немилость. Сокрушенный этим обстоятельством, он все же не поддался отчаянию, без особой паники вскрыл себе вены и безмятежно скончался, оплакиваемый соответствующими лицами и организациями (65 г. по Р. X.).

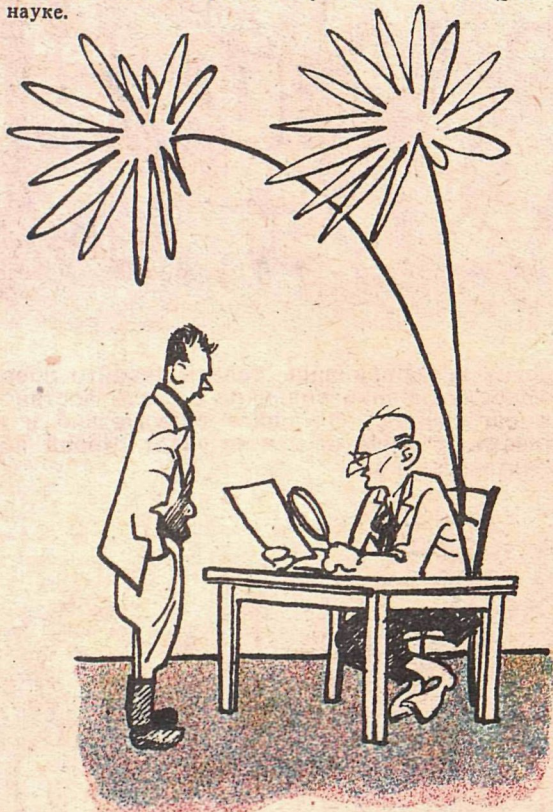
Но Сенекин лозунг заслуженно остался жить в веках и по сей день волнует души людские с неослабевающей силой.

Ровно через тысячу восемьсот шестьдесят девять лет после трагической смерти Луция Аннея Сенеки в московский кинотеатр «Востоккино» пришел на предмет культурного отдыха председатель Талдомского райисполкома товарищ Комендантов.

Разгуливая по фойе в ожидании начала сеанса, товарищ Комендантов имел достаточно времени для того, чтобы впасть в раздумье.

— Познал ли я самого себя?—задумался товарищ Комендантов.— Делов у меня много: посевная, прополочная, уборочная, снова посевная, займовая и так далее... Ужас, сколько кампаний! За работой—не то, что себя познать,—газеты толком не прочтешь. А интересно, ах, как интересно на досуге познать, что я есть за человек! Какие во мне недостатки? И какие, наоборот, достоинства? Какой у меня, выражаясь просто, духовный облик, понимая под таковым диалектическое единство темперамента, т.е. совокупности врожденных признаков и характера, т.е. совокупности признаков, приобретенных в личной жизни индивидуума как животного общественного?

Не обладая нужной для разрешения этой деликатной и сложной проблемы подготовкой, товарищ Комендантов решил обратиться за помощью к науке.

Представитель науки сидел тут же, в фойе. За столиком. Задумчивый. Холодный. С высоким челем мыслителя и бледным, мы сказали бы даже бескровным лицом аскета. Полномочный представитель науки графологии, аккредитованный при фойе кинотеатра «Востоккино» графолог Зуев-Инсаров.

— Десять,—отрубил графолог.

— Что десять?—пытливо осведомился Комендантов.

— Десять рублей. За графологическое исследование. Такса такая.

Товарищ Комендантов уплатил, сколько полагается по таксе, черкнул, как полагается, несколько строк размашистым почерком и на другой день получил через контролера кино, проверяющего билеты при входе, конвертик с развернутым графоло-

гическим исследованием своего характера. Исследование было напечатано на пишущей машинке и занимало целую страницу. Очень приятно.

Не будем скрывать. Товарищ Комендантов, стыдливо отвернувшись от нескромных взглядов, тут же, не выходя из фешенебельного подезда «Востоккино», извлек из конверта графологическое исследование и не без волнения прочел его раз. И еще раз.

Оказалось: ничего. Не плохой характер. Правда, не без некоторых недостатков. Зато и не без значительных достоинств.

«В жизни автор во всем привык полагаться лишь на свои силы...» (Ну, это еще, как сказать... Все-таки без аппарата не обойдешься... Но в общем, пожалуй, правильно...) «...Временами его охватывает чувство сильной утомленности, отсюда и апатичности...» (Утомишься!...) «...Но благодаря подвижности темперамента (правильно!), выносливости (поневоле будешь выносливым!), умеет быстро выпрямляться». (Выпрямляюсь я, действительно, быстро. Факт.) «...Сам, быстро схватывая основной принцип, не терпит медлительности в работе других. В спорах умеет подкрепить свои возражения фактами и примерами. В серьезных минуты присутствия духа не теряет...» и т. д.

— Ну что же, в общем правильно замечено. И насчет присутствия духа. И насчет медлительности других. И насчет подкрепления возражений фактами. Это тоже у меня есть.

И товарищ Комендантов уехал в Талдом, к постоянному месту службы с графологическим исследованием, тщательно запрятанным в самом сокровенном отделении своего потертого бумажника.

В Талдоме на вокзале председателя райисполкома ждала легковая машина. Из машины приветливо махал ручкой товарищу Комендантову заведующий городским коммунальным хозяйством товарищ Быков.

Вот вам, мастера психологических наук, маститые знатоки тончайших извилин человеческой души, готовая темочка для исследования! Четыре года работают рука об руку товарищи Комендантов и Быков над вящим благоустройством города Талдома. Душа в душу работают. Без склок и драк.

А ведь до чего товарищи Комендантов и Быков разные люди! То-есть трудно даже себе представить людей с более разными характерами. Вот и талдомские жители тоже страшно удивляются.

— Прямо,—говорят жители,—непонятно, как товарищи Комендантов и Быков, несмотря на разные характеры, так долго могут душа в душу работать. Этому мы—талдомские жители—до глубины своей души чистосердечно удивляемся.

Ну, конечно, наивные жители забывают про райком партии. Райком помогает, чтобы сработались.

Так вот сел товарищ Комендантов в машину. Едут они с Быковым и, несмотря на огромную разницу в характерах, разговаривают душа в душу на разные темы.

Товарищ Быков спрашивает, например: как поживаете?.. А Комендантов, конечно, отвечает: спасибо. Ничего.

Товарищ Быков спрашивает: удачно ли командировка прошла?

— Безусловно удачно. Очень, мол, хорошие результаты дала командировка,—отвечает товарищ Комендантов.

И оба ласково смотрят друг на друга и не радуются, что вот снова вместе.

Странная штука человеческий характер! Твердо ведь решил товарищ Комендантов никому не показывать графологическое исследование. Даже специально в самый глубокий кармашек бумажника запрятал. А не выдержал. Полез он за бумажником и говорит товарищу Быкову совершенно равнодушным голосом:

— А знаете, мол, я в Москве в кино был. Так я там, баловства ради, десятку на графолога стравил. Сам понимаю—чепуха, а все-таки, представьте себе, интересно было.

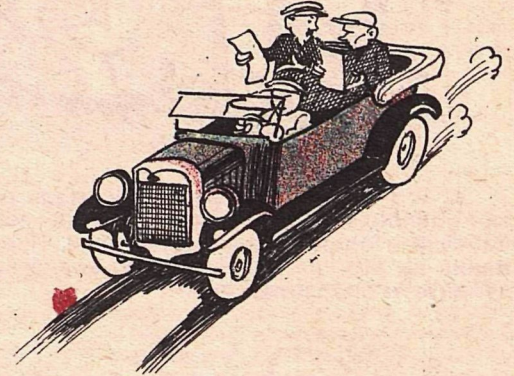
Тут ему заведующий городским коммунальным хозяйством очень горячо возражает:

— Не говорите, товарищ Комендантов, что чепуха. Совсем не чепуха. Очень, по-моему, правильная вещь. Я сам, может, с месяц назад в «Востоккино» был и тоже графологом пользовался. Такая

образованная личность. Фамилия двойная. Во всех журналах объявления помещал. Мне, например, десяти целковых определенно не жалко. Характер он мой описал ну, прямо, как будто всю жизнь за мной имел специальное наблюдение. Да у меня и описание это самое при себе.

И товарищ Быков раскрывает свой портфель и вытаскивает оттуда графологическое исследование его характера. Тоже большой лист папиросной бумаги и тоже весь насквозь пропечатанный на пишущей машинке.

Значит оба ответственных работника вытаскивают свои характеристики и оба хотят друг другу

показать, что обнаружил в их личности интересного автор книги «Почерк и личность» и заочного курса почерковедения графолог Д. М. Зуев-Инсаров.

Товарищ Быков разглядел свою характеристику и читает товарищу Комендантову вслух:

«В жизни автор во всем привык полагаться лишь на свои силы...» (Ну, это еще, впрочем, как сказать... Все-таки без аппарата не обойдешься... Но в общем, пожалуй, правильно...) «...Временами его охватывает чувство сильной утомленности, отсюда и апатичности...» (утомишься!) «...Но благодаря подвижности темперамента (Ей богу, ведь правильно!), выносливости, (поневоле будешь выносливым!) умеет быстро выпрямляться». (Выпрямляюсь действительно я быстро. Факт.)

Тут товарищ Быков подымает голову и спрашивает, как, мол, товарищу Комендантову нравится такая поразительная точность характеристики. А тот загадочно молчит, волнуется и просит читать дальше.

Быков, понятно, с удовольствием читает дальше.

Товарищ Комендантов даже как будто улыбается, прерывает неожиданно Быкова и спрашивает:—А как, насчет административных способностей сказано что-нибудь в вашей характеристике?

— Как же, как же,—отвечает Быков и читает: «Есть способности к администрированию, при чем в зависимости от поставленных целей может заниматься и тем и другим, но чтобы в работе была предоставлена возможность проявить инициативу, самостоятельность...»

— А насчет знаний что сказано?

Быков читает: «Знания не уложены в систему, во многих участках поверхностны, но там, где не хватает знаний, берет смекалкой. Способности быстро ориентироваться».

— Ну, как,—спрашивает товарищ Быков,—здорово?

— Уж куда здорово,—отвечает Комендантов. И предъявляет свою бумажку, в которой вся длинная характеристика Быкова повторялась слово в слово.

Наступило неловкое молчание.

— Ни-даа...—протянул Быков.—А хорошо бы по почерку Зуева-Инсарова определить, какой у него характер...

— А почему по почерку?—возразил Комендантов, рассматривая обе характеристики.— Попробуем,—сказал он,—определить по печатному тексту. Характеристики он печатает под копирку. Прямо скажем—конвейером чешет. Что ж, характер у Зуева-Инсарова, судя по его произведению, совершенно ясный. Жулик он и шарлатан. Вот и весь его характер.

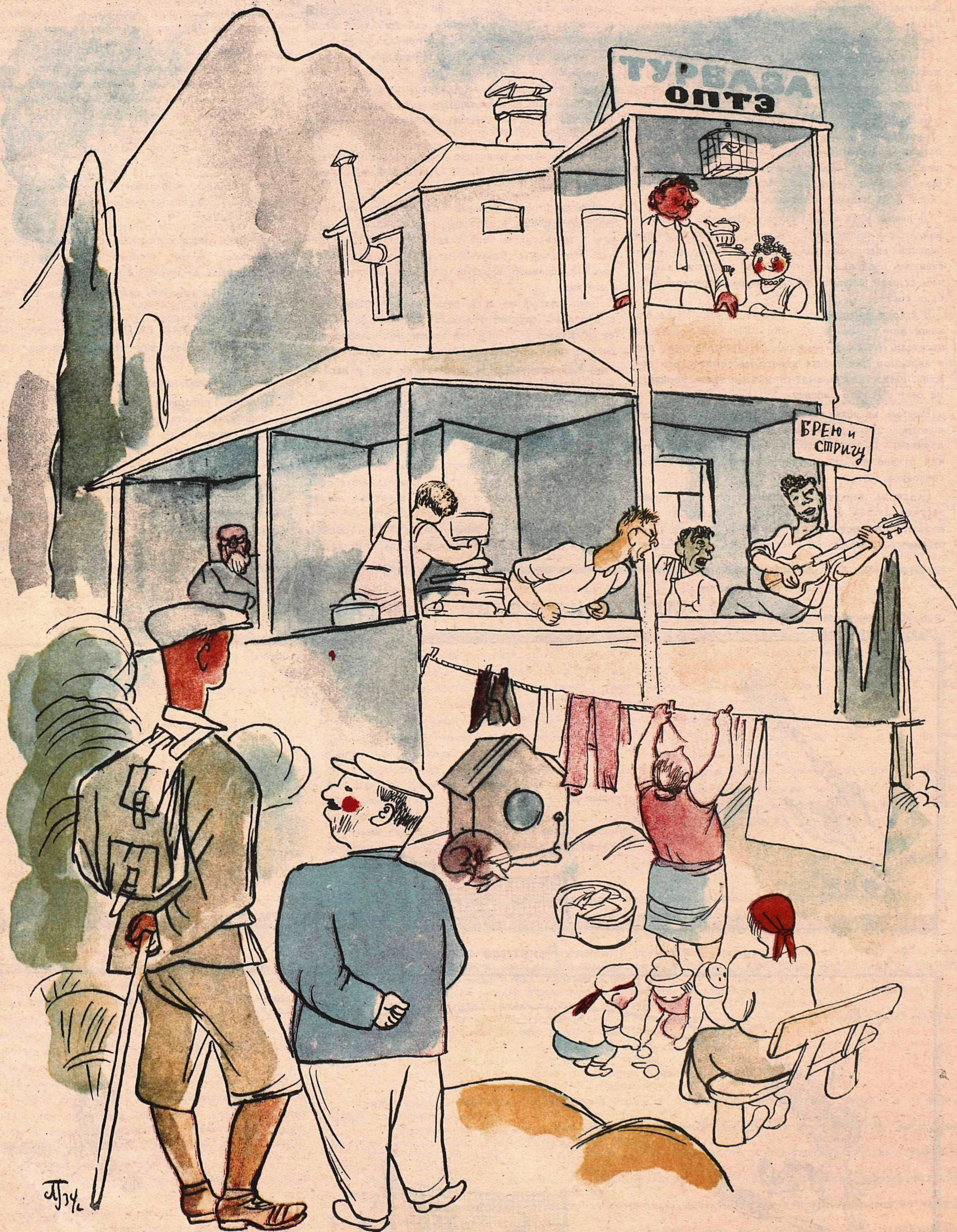
— Пожалуй, вы правы,—подтвердил задумчиво Быков.

И оба не ошиблись. Хотя графологией до этого момента никогда не занимались.

ГОСТИНИЦА ДЛЯ ТУРИСТОВ

Рис. Л. Генча

— Это хорошая гостиница?
— Помилуйте, гражданин. У нас тут жильцы по три года безвыездно живут и не жалуются.

УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ

Несколько лет назад Василий Григорьевич Гомонов написал роман. Роман был неважный, но у Василия Григорьевича были важные литературные друзья, и роман его, пухлый, скучный и длинный, как коломенская верста, увидел свет.

Те же друзья тиснули в газете похвальную рецензию («автор не лишен»... «нужная тема»), и Василий Григорьевич стал писателем.

Почуввав дыхание славы на челе, Василий Григорьевич резво принялся за второй роман, но из второго романа, как и следовало ожидать, ничего не вышло. Василий Григорьевич не растерялся, пошел по линии хозяйственно-административной и был назначен директором Малеевского писательского дома отдыха и совхоза при нем.

Деревня, куда поехал скучать Василий Григорьевич, «была прелестный уголок». Старый, уютный барский дом стоял на горке, поросшей легкомысленным осинником и серьезным суровым ельником. Юркая речушка, кокетливо виляя руслом, огибала горку.

В старом барском доме когда-то жил Чехов, а в наши дни в нем перебивали почти все советские писатели. Веселый писатель-летчик превратил его в аэродром для взлета нового многомоторного романа. Известный драматург именно здесь произвел на свет «Чужого ребенка».

Прибыв на новое поприще, Василий Григорьевич осмотрел хозяйство — конюшни, коровники, свинарники, — убедился, что все очень запущено, засучил рукава и... сел сочинять роман из колхозно-совхозной жизни.

Глядя на директора, остальной персонал также засучил рукава и тоже взялся за изящную словесность. Баптист-повар писал поэму духовно-нравственного содержания. Частенько во время приго-

товления обеда, поймав за хвост редкостную рифму, повар-поэт уходил к себе творить. Приехавший издалека завхоз привез с собой 20 кило повестей и рассказов неуставленного качества и за месяц жизни и работы в старом доме прибавил еще 5 кило. Кучер стал критиком. Помощник директора Горлов ничего не сочинял. Он выбрал себе другую роль: с бесстрастной, но ядовитой улыбкой наблюдал он развал хозяйства, терпеливо ожидая, когда Гомонова снимут, и уютное директорское кресло очистится.

Все шло вкось и вкривь в старом доме, где жил когда-то доктор Чехов. Люди работали плохо и бестолково.

Иногда утром Василий Григорьевич, оторвавшись от романа, в котором он живописал отчаянную и молодецкую борьбу колхозных энтузиастов-животноводов с бездельниками и замаскированными классовыми врагами, не спеша, обходил свои владения.

Тяжеловатый на ногу, весь какой-то плюшевый, с курчавой круглой головой, похожий на фавна, он появлялся в свинарнике всегда неожиданно, до смерти пугая робевших скотниц и свинарок.

— Как свинки? Недохнут ли они у вас? — грозно спрашивал он.

— Дохнут, Василий Григорьевич, дохнут, голубок, — отвечали свинарки, чуть дыша.

— Гм... С чего бы это они?

— Кушать им нечего, Василий Григорьевич. Корму не запасли, вот они, сердечные, и того...

— То-есть как это кушать нечего! — багровел Василий Григорьевич и указывал перстом. — А это что?

— Это, извиняюсь, навоз, Василий Григорьевич, туточки давеча лошадки проходили, ну, и оставили.

— Собрать, послать покруче, давать свиньям!

— Шутить изволите, Василий Григорьевич! Да нешто свинка станет, извиняюсь, лошадкину гадость жрать. Они хоть и свиньи, а разбираются.

— Небось, два дня посидит натошак, — пожрет за милую душу. Ты, дура необразованная, знаешь, сколько в лошадином навозе калорий? То-то. Разбираться надо в явлениях жизни, тетка. Воробей, например, он как, по-твоему, глупее свиньи? А ведь его, сукина сына, за уши от навоза не оттянешь! Надо научно подходить. Собрать, послать, кормить!

Он удалялся, тяжеловатый, величественный, непонятный. Усаживался за письменный стол. Брал перо и писал:

«Доярка Маша исподлобья смотрела на Егора и улыбалась. А тот, гордый своими трудовыми, жарко дышал от волнения и колосился».

Впрочем, за точность приведенной цитаты не ручаемся.

На кухне свинарка просила соли у повара-поэта.

Занятый творческими мыслями, повар лениво отругивался:

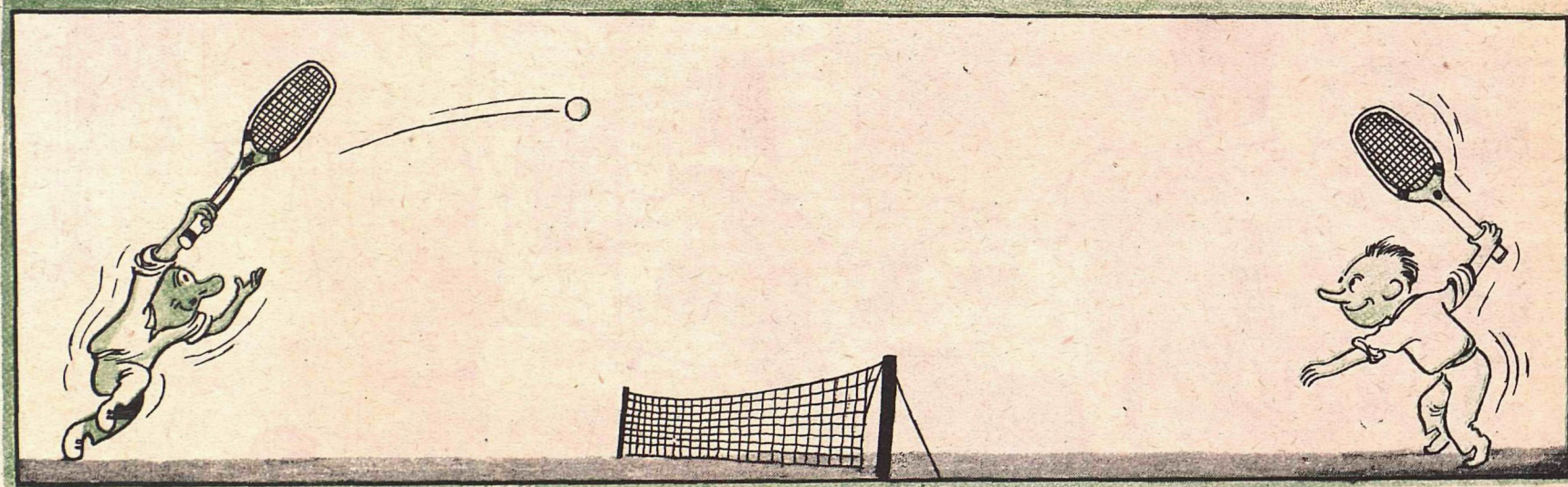
— Подумаешь, какие баре! Пожрут и без соли!

Василий Григорьевич Гомонов ныне уже не директорствует в старом доме на горке, поросшей веселым осинником. Звезда его хозяйственной карьеры закатилась, и вряд ли в связи с этим заинтригованный читатель узнает, что стало с дояркой Машей, бравым ударником Егором и другими, не менее добродетельными персонажами его поучительного колхозного животноводческого романа.

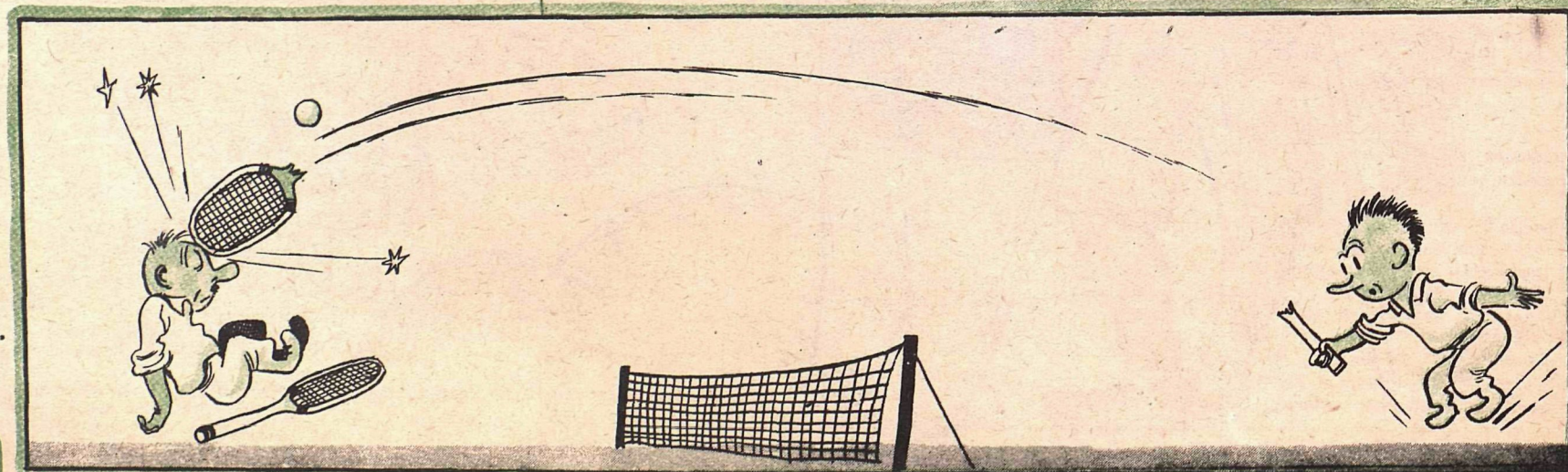
ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ДАЛЕКО ИДУЩЕЕ КАЧЕСТВО СПОРТИВНОГО ИНВЕНТАРЯ

Рис. М. Храпковского

Ракетное сообщение...

...О качестве ракет.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Дорогой Крокодил!

Тебе не надо объяснять, какое значение имеет подсобное хозяйство на курортах. Лучше объясни сам, как могло так случиться, что на курорте Симеиз все подсобное хозяйство состоит из двух свиней. Неужели на этих двух свиньях кончается вся хозяйственная фантазия курортной администрации? Небогатая у них фантазия!

Повар ЮСУП ГАЛЕЕВ.

Симеиз.

Дорогой Крокодил!

Объясни, пожалуйста, почему занятия физкультурой должны чередоваться с козьими прогулками?

Не думай, что я задаю этот вопрос просто так. У нас, на Челябинском тракторном заводе, совершенно нет спортплощадки, и мы — физкультурники — должны пользоваться для игры и упражнений козьим за-

гоном, да и то в те часы, когда там нет коз. Создается такое положение: мы следим за козами с раннего утра; стоит им уйти, — мы мчимся вместо них в вагон, наскоро пофизкультурим и сейчас же смываемся, когда увидим, что коз гонят обратно. Мы понимаем, что козвы — полезные животные, но ведь и физкультура тоже далеко не бесполезное занятие?

С. МУСТЫКИН.

Челябинск.

Дорогой Крокодил!

Научи, пожалуйста, что делать, если человеку с велосипедом надо выехать в другой город по железной дороге.

На днях на станции Чернигов я хотел сесть с велосипедом в вагон.

— Нельзя.

Ну, хорошо, думаю, если велосипед приравнен к собаке и в общий вагон с ним не пускают, пойду сдам его в багаж.

Подхожу к багажному отделению.

— Примите.

— Нельзя.

— Почему нельзя?

Дежурная гр. Миронова хотела, наверное, сказать что-нибудь обидное по поводу велосипеда, а потом, видимо, взяла себя в руки и ответила совсем неожиданно, но твердо:

— Будет. Я уж и так сегодня много велосипедов приняла.

Пока я торговался и доказывал, что для велосипеда специальный вагон не нужен и если их принято даже двадцать, двадцать первый всегда влезет, поезд, само собой, ушел.

Не с автомобилем же я хотел сесть в вагон и не товарный поезд хотел сдать в багаж. За что же меня заставили шесть лишних часов дожидаться на станции? Нас, велосипедистов, много, — учти это, Крокодил, и помоги.

Ф. БОЯРИНОВ.

г. Глухов.

Дорогой Крокодил!

Не можешь ли ты слегка одернуть ТАСС, который на днях разослал телеграммы газетам о том, что:

«Институт гибридизации и акклиматизации в госзаповеднике Аскания-Нова при помощи метизации ввел уже около 60 новых высококачественных пород овец».

Разрешить через тебя напомнить ТАСС, что едва ли во всем мире найдется 60 пород овец, а в Аскания-Нова лишь выяснена возможность создания всего одной новой породы, а не шестидесяти.

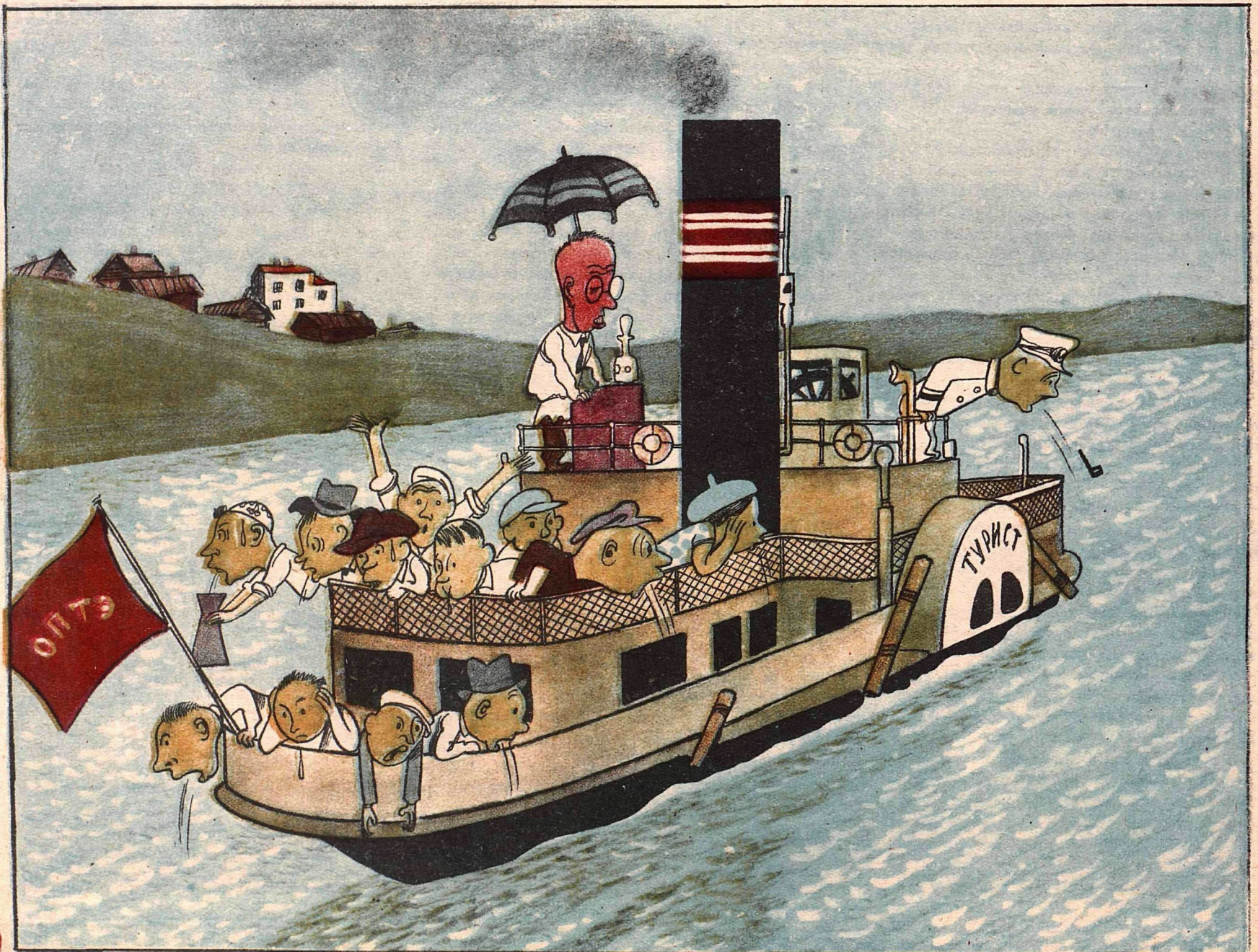
Вполне понятно, конечно, желание ТАСС способствовать улучшению овечьих пород, но зачем же делать это так внезапно и в таких неумеренных масштабах?

М. КИСЕЛЕВ.

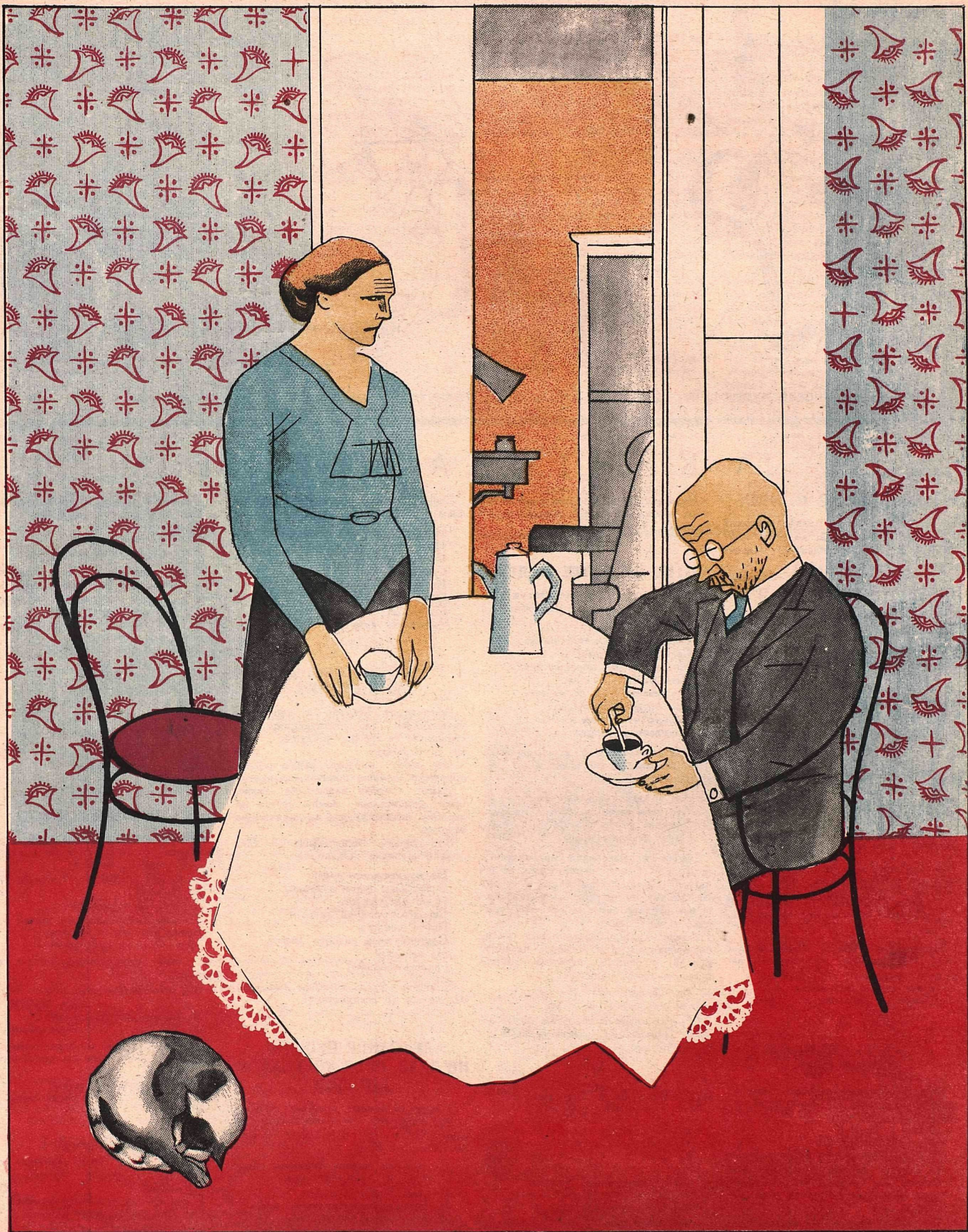
Аскания-Нова,
Днепропетровская область.

ДОКЛАДЧИК НА ЭКСКУРСИИ, ИЛИ ...

Рис. М. Храпковского

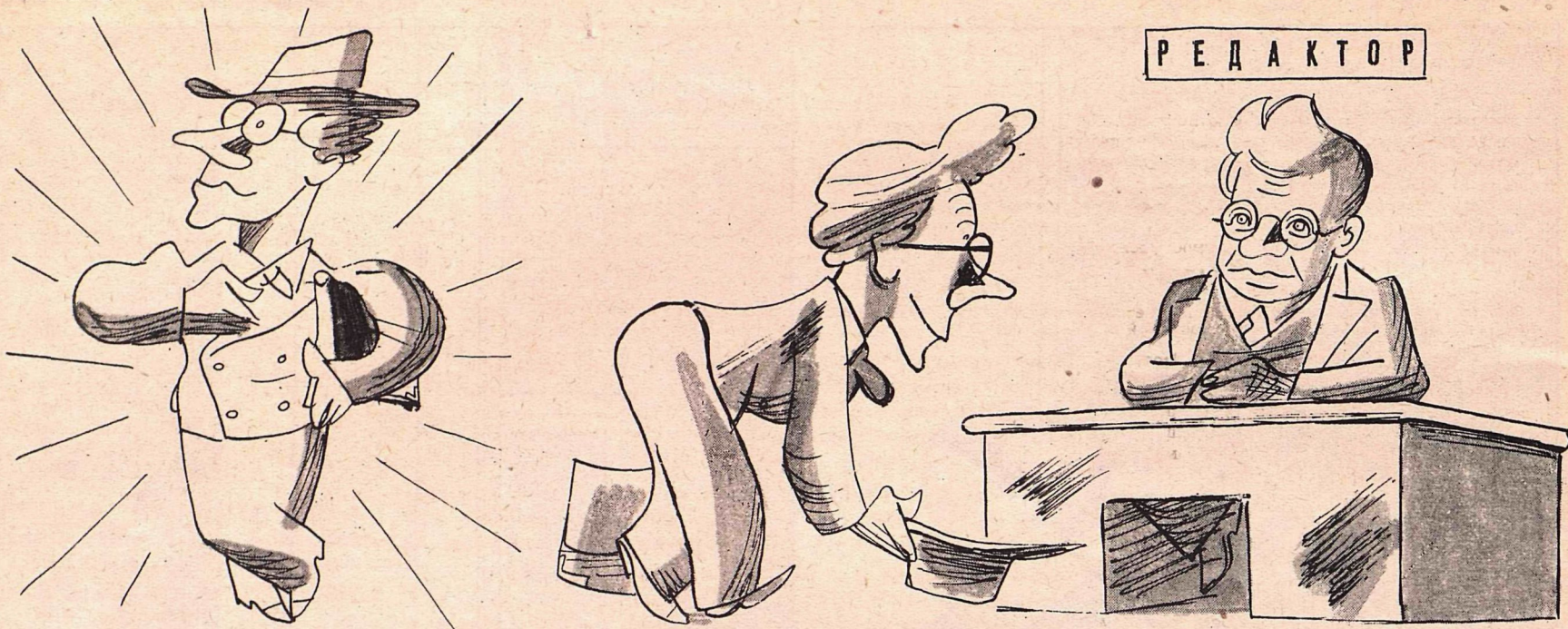

...отчего иногда во время речной прогулки тошнит на спокойной воде.

— У тебя опять ни одного пациента?..
— Вполне понятно: у одних зубы выбили, другим они не нужны из-за безработицы, а все остальные даже у
зубного врача боятся рот открыть.

Рис. Л. Бродаты

Многие думают, что для того чтобы стать талантом, надо сначала быть поклонником.

...А КРИТИКА ВСЕ НЕТ!

ЖЕНЩИНА ИЗ СТОЙЛА

Из чего только не делали женщин! Делали ее из ребра, из пены морской и других неожиданных предметов.

Но никто еще не делал женщину из... стойла, и никто еще не превращал женщину в... комнату.

Это — секрет изобретателя Бориса Пильняка:

«Фрекен, — пишет он в своем произведении «Мать-мачеха», — убирает комнату, моет, чистит, отворяет окна в ветер — каждый день из стойла превращает фрекен в комнату».

Удивленному читателю, запутавшемуся в пильняковских стойлах, ветрах, фрекен и комнатах, остается только развести руками и воскликнуть: — О-кэй!

РАНО УТРОМ ВЕЧЕРКОМ...

В той же повести «Мать-мачеха» читаем:

«Уже СОВСЕМ РАССВЕЛО. В ПОЛУМРАКЕ мистер Смирн увидел...»

Приведенная цитата представляет собою, повидимому, прозаический перифраз известного двухстишия:

«Рано утром вечерком
Ночью на рассвете...»

ПОСТАВЛЕННЫЕ ОШИБОЧНО...

Журнал «Красная деревня» (№ 14) поместил специальную вкладку, на которой значится:

ПОПРАВКА

Заголовок на стр. 8-й: «Лошадь и трактор должны совместно работать на социалистических полях» поставлен ошибочно при верстке номера.

Следует читать: «Изжить недостатки, больше внимания открытому грунту».

Мы полагаем, что не только заголовок «поставлен ошибочно при верстке номера».

Поставлен ошибочно при верстке номера также и плохой выпускающий журнала «Красная деревня».

АХ, НЕ ДЕЛАЙТЕ НАДСАД!

Новый способ писания стихов придумал поэт Александр Прокофьев в журнале «Звезда»:

Вдруг невеста встала бойко.
Села, не умыв чела.
Младший брат оправил койку,
Дева плакать начала.
Причитает: «Ах, не мучьте,
Ах, не делайте надсад,
Потому что очень скучно
Покидать цветущий сад.»

(Тут она срывает со стены фотографию жениха, опять садится на стул и причитает):

Ах, злодей и соглядатай,
Кто тебя нашел в лесу,
Умоляю, ах, не сватай
Нашу девичью красу.

Ничем не вызванная прозаическая ремарка, по всей вероятности, объясняется тем обстоятельством, что поэт спешил закончить свое безусловно хорошее стихотворение и отнести в редакцию «Звезды».

Александр Прокофьев пишет стихи, перемежая их, для легкости писания, прозой, а бедный читатель, обращаясь к поэту, причитает:

Ах, не мучьте,
Ах, не делайте надсад...»

(Тут он срывает со стены фотографию Прокофьева, опять садится на стул и причитает).

НОВЫЙ ПРОДУКТ РЕЗИНО-ТРЕСТА

Поэт Г. Санников написал производственную поэму о каучуке. Вот отрывки из этой как будто стихотворной поэмы:

...При испытании в Москве,
В лабораториях Резиноцентра,
На суховоздушный вес
Мясистые корни дали
До сорока процентов
Чистого каучука, —
Так показал анализ.
Это была мировая сенсация,
Необычайное достижение...

Ознакомившись с новым произведением Г. Санникова, хочется сказать:

Можно-писать о деревьях,
Но не деревянным языком.
Почему же
Санников
Написал поэму
О Резинотресте
На чистом
Резиновом языке?

ЕЩЕ О ТАБЛИЦЕ УМНОЖЕНИЯ

Александр Жаров неоднократно указывалось соответствующими инстанциями на его неравнодушие к слову «помножить».

Он любит множить самые разнообразные явления, понятия, предметы. Дайте Жарову какой-либо тезис, поэт моментально помножит его на стройку, пятилетку или на лирическую тетрадь.

Вот очередное «умножение» А. Жарова в журнале «Октябрь»:

Не продажность рабы
С блудным зудом в крови,
И не преданность
Сверхблагородной рабы —
Пойте женщин,
Помноживших радость любви
На великую
Радость борьбы!

Помножь раз, помножь два, но нельзя же до бесчувствия!..

АЛЕКСАНДР ПУШКИН НЕ ПРАВ, ПРАВ АЛЕКСАНДР ЗАПАДОВ

В третьей книжке журнала «Залп» находим яростную полемику между поэтом Александром Западным и Александром Пушкиным:

Скребицею чистил ворчливо коня
У Пушкина храбрый гусар.
Обычай такой,
Извините меня,
Жесток, неразумен и стар.
Да будет известно по всем городам,
По селам и деревням,
Что Пушкин не прав,
И нельзя никогда
Скребицею мучить коня.

Овальную щетку одень на ладонь,
Как внутренний учит устав,
И щеткой отчисти,
И будет твой конь
Блестеть от ушей до хвоста.

Отныне известное стихотворение «Что ты ржешь, мой конь ретивый», будет в новом собрании сочинений А. С. Пушкина звучать так:

— Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил?
— Ты скребицею паршивой
Кожу мне избородил.
Заболеть могу чесоткой,
От скребицы все болит...
Ты мне шкуру чисти щеткой
Так, как Запад вельт...
Мой меня, голубчик, часто,
Лошадный краток век...
Не хочу скребицы! Баста!
Лошадь — тоже человек!

РАЗГОВОР ЗА ЯЗЫК

В Краснодаре издана книжка под названием «Гигиена пионера» (Горлит № 1187, тираж 150.000).

На первой страничке «Гигиены пионера» читаем:

Следить за гигиеной тела
Должно быть правилом твоим.
Крепи же тело и на деле
Будь готов за коммунизм.

А вот заключительные слова книжки:

Без гигиены нет здоровья.
Будь здоров!
За технику, за пятилетку
Будь готов!

В стиле «Гигиены пионера» хочется сказать несколько слов «за язык» этой книжки:

За грамматику, редактор,
Будь готов!

1 САХАРНИЦА 1

О необычайном своем героизме говорит поэт Владимир Луговской в книге «Жизнь»:

Я захочу — и сахарницу сдвину.
Она покорно отойдет направо
Или налево, как я прикажу.

И правильно:
Сдвинуть гору каждый может, по-
пробуй сдвинуть сахарницу!..

МИХ. ПУСТЫНИН

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ГАПЧУК КЛЯНЕТСЯ

Вопрос о личном доверии к ответственному товарищу по работе — очень сложная проблема. Поэтому надо со вниманием проследить за теми конкретными случаями, когда личное доверие облачается в более сложную и официальную форму.

В этой области некоторый вклад в теорию взаимоотношений внесло правление колхоза им. Чубаря (Гроссуловский район), которое взяло от своего председателя Гапчука следующую расписку:

„ГАПЧУК.

Пред. к/х дал слово перед правлением к/х в том, что он больше не будет пьянствовать в течение 3 месяцев во время прополочной, а также уборочной кампании, а также посевной.

11/V—34 г.

Пред. к/х Чубаря (подпись)“

Щедрость в перечислении кампаний здесь довольно широкая. К сожалению, не указана еще одна компания, с которой такой председатель колхоза предается алкоголическим излишествам во время полевых работ.

Полагаем, что немедленное ознакомление с этими бойкими и разбитыми людьми только расширит исследовательский опыт Гроссуловского райкома партии.

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Человек без соответствующего удостоверения зачастую чувствует себя, как ребенок, затерянный в лесу. Кто тебе поверит, что тебе 39 лет, а не семнадцать и что тебя зовут Егором, а не Елизаветой, когда у тебя нет соответствующей подписи с приложением печати.

Но не со всяким удостоверением можно себя чувствовать хозяином положения. Некоторые удостоверения просто мешают широкой натуре вернуться в дела и в быту. Вот, например, какое свидетельство было выдано Свердловским сельсоветом Сокольского района гр. Отюкину:

Р. С. Ф. С. Р.

Копия

Свердловский с/совет
Сокольского района
Сев. края

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

10-го мая 1934 г.

№.....

п/о Печаткино

Дано настоящее гр-ну дер. Б. Кровец
Отюкину Анатолию Алексеевичу в том,
что он помер 10-го мая 1934 г., что и удо-
стоверяется в книге записей о смерти.

За председателя с/с (подпись неразборчива)
Печать.
Копия верна“.

Единственно, что можно сделать с таким удостоверением, это занять скромную должность внештатного привидения в том же сельсовете.

ЗА И ПРОТИВ

Очень хорошо, когда библиотекарь разговаривает с читателем о книге. Приятно видеть, что у них нашелся общий язык...

Но жутко становится, когда этот язык оказывается совершенно неграмотным.

Так, библиотека киевского ДКАФ, пожелав узнать мнение читателя о каждой прочитанной им книге, раздала анкету, центральный вопрос в которой сформулирован так:

„Что вы можете еще сказать за эту книгу?“

Мы, например, за такого автора анкеты решительно ничего сказать не можем. А против — очень многое.

ОЧЕНЬ НЕ СМЕШНОЙ ДОКУМЕНТ

Ниже мы помещаем документ не для того, чтобы вызвать даже хотя бы горькую улыбку у читателей, а специально для того, чтобы им заинтересовалась прокуратура соответствующего района.

„ЧЕРНОРЕЧЕНСКИЙ ЦЕМЗАВОД.

Умерший рулевик б/зерносовхоза КОСТРОМИН Степан 19 лет поступил в больницу 12/III, умер 15/III. Похоронен Пос/Советом 3/V—34 г.

Зав. Больницей (подпись неразборчива).

3/V—34 г.

Верно (подпись)“.

Из этого документа явствует, что покойника похоронили через 50 дней после его смерти. Из других документов выясняется, что месяц и двадцать дней заводская больница и зерносовхоз торговались, за чей счет хоронить Костромину.

Шутить по поводу этого печального анекдота мы не намерены. Полагаем, что прокуратура в этом отношении проявит свою солидарность с нами.

К ВОПРОСУ О «НЕУДАХ»

Гражданин Кувыркин проживает в Рыбинске. Повидимому, именно это обстоятельство и заставило его свой первый авторский опыт посвятить чисто местным интересам.

Называется этот скромный литературно-научный почин гр. Кувыркина так:

«Проект показателей для оценки успеваемости студентов рыбинского авиационного института имени т. Орджоникидзе».

В этом скромном труде гр. Кувыркин дал своего рода психологическую шкалу, основанную на тонких наблюдениях, как нужно расценивать ответы рыбинских студентов. Оказывается, что отметкой «неудовлетворительно» студент должен караться за следующие академические преступления:

„Если вопрос требует полного, однозначного ответа, а дается ответ одним словом или небрежно средантированный“.

Тщательность редактирования студенческого ответа предусматривает даже вопрос об ударении:

„Ответ не должен содержать ни одного грамматического искажения терминов ни одного неправильного ударения“.

Больше того, если студент и ударения ставит правильно и редактировал свой ответ со всем пылом молодой души, гражданину Кувыркину мало

и этого. Грозный «неуд» висит над рыбинским студентом даже и в том случае,

„Если в ответе чувствуется правильное понимание сути дела, но рассказ бессвязен или грамматически небрежен“.

Утвержден или нет проект гр. Кувыркина, старательно отпечатанный в ста экземплярах и разрешенный Рыбинским горлитом, — мы не знаем. Думаем, что нет. Но с литературным успехом автора его мы все же поздравляем. Далеко чеховскому «Человеку в футляре» до гр. Кувыркина...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Есть ряд преступлений, не предусмотренных ни уголовными ни гражданскими законами и тем не менее вопиющих о немедленном отмщении.

В одном из таких преступлений обвинялся недавно скромный начальник пожарной охраны колхоза Ташерск, Сызранского района, т. Варламов.

И не только обвинялся, но и понес заслуженную кару. Вручая т. Варламову пожарную охрану, сельсовет дал ему совершенно конкретную и безоговорочную директиву:

— Туши пожар.

— Будьте покойны, — деловито ответил т. Варламов, — будет пожар, — потушим.

И действительно, быть может, т. Варламов проявил бы свою энергию на этом поприще самым похвальным образом, но этому помешало одно непредвиденное обстоятельство: не было пожаров.

Население не протестовало. Нероновское увлечение большими и малыми пожарами не во вкусе граждан Сызранского района. И т. Варламов

ходил весело и бодро по тропинке бедствий, не предвидя из сего никаких последствий.

Но последствия грянули неожиданно и с сокрушительной силой. Недавно т. Варламова вызвали в сельсовет и поставили вопрос ребром:

— Сколько пожаров потушили, дорогой товарищ?

— Да похвалиться нечем, — скромно ответил т. Варламов, — не было у нас пожаров совсем.

— Не было? Так и запишем. Жалованье, значит, шло, а пожаров не было? Бочки стояли, а никто не горел? Лошадей кормили, а тушить не тушили? Идите, вас вызовут.

И сельсовет выносит следующее постановление:

„Слушали:
За все лето 1933 г. не было ни одного пожара. Надо ли держать в колхозе лодырей?“

Постановили:
Варламова, начальника пожарной охраны, из колхоза исключить“.

Так кончилась пожарная карьера т. Варламова.

НА ТИХОМ МОСКОВСКОМ ДВОРЕ

Московский двор по картине художника Поленова (1874 год).

Картина московского двора 1934 года.

